

В. Б. Конасов, Х. Аманн

**МККК – РОССИЯ:
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ**

**Вологда – Хайден
2005**

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Вологодский институт развития образования
Вологодский институт права и экономики
Музей основателя МККК А. Дюнана
Вологодское отделение «Российского Мемориала»

В. Б. Конасов, Х. Аманн

МККК – РОССИЯ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Вологда – Хайден
2005

51.1
ББК 63.3(0)
К 64 /

Авторы: В. Б. Конасов, Х. Аманн
Вступительное слово: В. В. Судаков, Г. Бергундталь, А. Принцинг
Составители: В. Б. Конасов, А. Б. Сычев
Перевод А. Б. Сычева

В. Б. Конасов, Х. Аманн

МККК – Россия: страницы истории. – Вологда: Изд. центр ВИРО, 2005. – 40 с.

Данная брошюра рассказывает об основателе Международного Комитета Красного Креста (МККК) Анри Дюнане и истории отношений между Россией и МККК с момента его основания по настоящее время.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Слово о книге и ее друзьях</i>	4
<i>Ханс Амани. Анри Дюнан. Признание в России</i>	6
<i>Виктор Конасов. МККК – Россия: дорогой сотрудничества и конфронтации</i>	8

СЛОВО О КНИГЕ И ЕЕ ДРУЗЬЯХ

История Второй мировой войны до сих пор содержит в себе еще немало неразгаданных тайн и малоизвестных страниц. Долгие годы замалчивалась в бывшем СССР и странах Восточного блока тема военного плена. Что касается мемуаров бывших иностранных военнослужащих, побывавших в лагерях Советского Союза, то их, увы, отличали ярко выраженная тенденциозность, характерная для времен «холодной войны». В этой связи заслуживает пристального внимания научно-поисковая работа педагогов Л. А. Бобылевой, И. Д. Грязевой и их помощников – учеников Ростиловской средней школы Грязовецкого района Вологодской области. В течение пяти лет по крупицам собирали они материал об истории лагеря НКВД на берегу речки Нурмы. Лагеря уникального во всех отношениях. С 1939 по 1941 год стены Корнильево-Комельского монастыря обживали финские и польские военнопленные. В конце 1941 года лагерь НКВД превратился в проверочно-фильтрационный. В него направлялись солдаты и офицеры Красной Армии, освобожденные из немецкого плена, либо же вышедшие из окружения. С 1943 года лагерь принимает и содержит в своих бараках пленных военнослужащих вермахта. Об этих неизвестных страницах истории Грязовецкого лагеря и попытались рассказать в своем реферате «История Грязовецкого лагеря НКВД: свидетельства очевидцев» педагоги и ученики Ростиловской школы под руководством Л. А. Бобылевой. И вполне удачно. Среди 4000 сочинений на правозащитную тему их работа, представленная на Всероссийский конкурс, который проводило общество «Мемориал», была отмечена Почетной грамотой. Почетной грамотой этого же общества в 2003 году была отмечена и другая работа преподавателей и учеников Ростиловской средней школы «Судьбы репрессированных советских немцев в Грязовецком районе».

На профессиональном уровне историю Грязовецкого лагеря НКВД воссоздали известный российский ученый, доктор исторических наук, профессор В. Б. Конасов и его ученик – ныне кандидат исторических наук А. Л. Кузьминых.

Вполне закономерно, что именно педагог-подвижник Л. А. Бобылева и ее ученики, а также доктор исторических наук В. Б. Конасов были приглашены в Швейцарию по обмену опытом исследовательско-поисковой

работы. Научная общественность швейцарского города Хайдена, где располагается музей основателя Международного Комитета Красного Креста Анри Дюнана, с неподдельным интересом выслушала лекцию профессора В. Б. Конасова «МККК – СССР: дорогой сотрудничества и конфронтации». Именно на основе этого доклада и выходит сегодня в свет на русском и немецком языках небольшая книга «МККК – Россия: страницы истории».

Выход книжки в свет представляется весьма своевременным и знаковым явлением в истории. Мало, непростительно мало знают о гуманистической миссии Международного Комитета Красного Креста не только школьники и студенты России, но, увы, даже школьники и студенты Швейцарии, многих других стран. А между тем история войн и вооруженных конфликтов, начиная с 1863 года и по настоящее время, тесно связана с благородной миссией МККК. Об этом убедительно говорил на встрече ученых в музее Анри Дюнана бывший немецкий военнопленный, ныне гражданин Швейцарии Харальд Фёр.

Опыт предшествующих поколений позволяет нам понять и правильно оценить свою историю. Очень важным является осознание ответственности за будущее и умение сделать правильные выводы. Эта небольшая книга, как мы надеемся, внесет свой вклад в дело исторического просвещения, укрепления дружбы и понимания между народами.

Председатель Комиссии
по правам человека при
Губернаторе Вологодской области

В. В. Судаков

Директор Музея
Анри Дюнана

Г. Бергундталь

Директор реальной школы
Энгельвиз – Бругген

А. Принцинг

Ханс Аманн

АНРИ ДЮНАН. ПРИЗНАНИЕ В РОССИИ

Анри Дюнану за свою долгую жизнь пришлось много поездить по свету, но в России он никогда не был. Плохое здоровье не позволяло ему принимать приглашения даже от уважаемых и высокопоставленных особ. Однако Анри Дюнан поддерживал связь со многими известными людьми в России, которые разделяли его идеи и относились к нему с глубоким почтением.

Изданную в 1897 году в Штутгарте «Историю создания Красного Креста и Женевской конвенции», которая была написана Дюнаном совместно с профессором Мюллером, он рассыпает многим влиятельным людям того времени, в том числе и в России. Несколько экземпляров было отправлено для императорского двора, а также ряду русских ученых.

Именно эта книга привлекла к себе внимание участников проходившей в том же 1897 году XII Медицинской конференции. По предложению известного немецкого врача Рудольфа Вирхова участниками конференции было принято решение присудить Дюнану главную премию города Москвы в размере 5000 франков. Выступая перед участниками этого форума, Вирхов рассказал о своей встрече с Анри Дюнаном в Берлине в 1863 году во время проведения Конгресса статистиков, на котором Дюнан еще до создания Комитета Красного Креста выступил за приздание госпиталям и медицинскому персоналу статуса нейтралитета.

В январе 1897 года русская императорская дипломатическая миссия в Берне известила Дюнана о том, что покровительница Российского Красного Креста Ее Величество Императрица Мария Федоровна соблаговолила дать указание, пожаловать ему 4000 франков в качестве единовременной выплаты императорского двора, а также установить ему ежегодную пенсию в размере 4000 франков. Вероятно, что посланная Императрице «История создания Красного Креста и Женевской конвенции» повлияла на ее решение о столь щедром вознаграждении А. Дюнана.

Дюнан часто получал из России послания, направленные в знак уважения и признания его заслуг. Так, в апреле 1897 года от Медицинского общества Одессы на его имя приходит роскошный адрес, диплом и крест, увенчанный гербом города. Дюнан получает титул почетного члена общества.

8 мая 1908 года Дюнану исполнилось 80 лет. Среди прочих поздравлений юбиляр получил три послания из России. Императрица Мария Федоровна благодарила за его неустанные старания на благо человечества, которые принесли свои плоды. Государственный советник А.П. Извольский по поручению императора направил автору Женевской конвенции приветствие с признанием его заслуг. Правление Российского общества Красного Креста также выразило свои наилучшие пожелания юбиляру. Великая княгиня прислала в подарок Дюнану дорогой шелковый шарф, который сейчас можно увидеть среди прочих даров в музее основателя Красного Креста в швейцарском городке Хайдене.

Имя Анри Дюнана и сегодня широко известно в России. Неслучайно несколько лет назад руководство международного фонда «За выживание и развитие человечества» и представители ЮНЕСКО обратились в Музей А. Дюнана за помощью в подготовке передвижной выставки об основателе Красного Креста, которая должна была экспонироваться в России. Печальный опыт двух мировых войн позволяет нам осознать важность идей Дюнана, их значение для судеб многих людей.

Подтверждением этих слов является обращение Российского Красного Креста в МККК в Женеве с просьбой предоставить возможность показа видеофильма об А. Дюнане, который был снят в 1998 году по заказу Музея А. Дюнана в Хайдене. После выступления доктора исторических наук, профессора В. Б. Конасова с докладом в Музее А. Дюнана в июне 2004 года, между Вологдой и Хайденом установилось плодотворное сотрудничество, одним из результатов которого явилось создание русскоязычной версии фильма об А. Дюнане. Очень отрадно, что и в России все большее количество людей смогут познакомиться с гуманными идеями основателя Международного Комитета Красного Креста и с историей его жизни.

**В. Б. Конасов,
доктор исторических наук, профессор**

МККК – РОССИЯ: ДОРОГОЙ СОТРУДНИЧЕСТВА И КОНФРОНТАЦИИ

Создание МККК и позиция царской России в деле защиты жертв войны. Два крайне примечательных события, произошедшие в 60-х годах XIX столетия, открыли новую веху в истории движения в защиту прав участников вооруженных конфликтов. Оба этих события связаны с именем гражданина Швейцарии Анри Дюнана. Его перу принадлежит книга «Воспоминание о битве при Сольферино», посвященная памяти 40 тысяч убитых и искалеченных в ходе сражения между французами и австрийцами. Одновременно Анри Дюнан стал инициатором создания международной организации, призванной обеспечить защиту жертв войны. 17 февраля 1863 года на заседании благотворительного комитета частных лиц «Общественная польза» он развил свои идеи по оказанию помощи раненым и больным воинам. Именно этот день и принято считать днем основания организации, которая с 1867 года носит название Международный Комитет Красного Креста (МККК).

Создав Комитет, пять его основателей во главе с Анри Дюнаном и первым председателем МККК Гюставом Муанье созвали 26 октября 1863 года конференцию, в которой приняли участие делегаты 16 государств. На этом форуме было положено начало движению Красного Креста как в отдельных странах, так и в международном масштабе. Затем Анри Дюнан и его единомышленники провели большую подготовительную работу по созыву дипломатической конференции, которой впервые предстояло узаконить правила ведения войны на международном уровне. В августе 1864 года представители 12 стран приняли в Женеве конвенцию «Об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях». Уже через четыре месяца конвенцию ратифицировали 10 государств. В 1867 году российский император Александр II утвердил Устав «Общества попечения о раненых и больных воинах», созданного по инициативе фрейлины императрицы М. С. Сабининой, лейб-медика Ф. Я. Кареля и баронессы Фредерикс. С этого момента к конвенции смогла присоединиться еще одна участница конференции – Россия.

Уже на этом историческом этапе Россия внесла свой вклад в выработку гуманной практики ведения сухопутной войны. В 1862 году выдающийся русский медик Н. И. Пирогов высказался за организацию на те-

атре военных действий международного врачебного комитета. Не менее высоко оценила передовая международная общественность практический опыт «Крестовоздвиженской общиной» сестер милосердия (ее основательнице великой княгине Елене Павловне Анри Дюнан презентовал один экземпляр своей книги «Воспоминание о битве при Сольферино»), члены которой самоотверженно спасали жизнь раненых в период Крымской войны 1853–1855 годов.

Контакты между Россией и МККК за период с 1863 по 1917 год не были омрачены какими-либо серьезными недоразумениями. Более того, царское правительство неоднократно поддерживало гуманные инициативы МККК и само выступало за смягчение ужасов войны на различных международных конференциях. К моменту прихода большевиков к власти России, к примеру, были ратифицированы Женевская конвенция 1906 года «Об улучшении участия раненых и больных воинов» и Гаагская конвенция 1907 года «О законах и обычаях сухопутной войны».

Отношения МККК и СССР в 20–30 годы и накануне Великой Отечественной войны. Отношение советского правительства к МККК первое время было достаточно лояльным. Это правительство, оказавшееся в условиях дипломатической изоляции, рассчитывало с помощью Международного Комитета решить такую крайне важную проблему, какозвращение на родину более трех миллионов русских военнопленных Первой мировой войны. Новая власть надеялась привлечь их на свою сторону в борьбе с контрреволюцией, а в будущем – с международным империализмом.

В 1921 году МККК официально признал советский Красный Крест. Представительство этой организации в Москве просуществовало до 1938 года. Закрытие представительства его глава Вальдемар Верлен так обосновал в своем отчете: «Для всякого наблюдателя, хоть немного знакомого с положением дел в СССР, существование делегации МККК в последнее время показалось бы, на первый взгляд, парадоксальным, настолько оно противоречило самим принципам советской политики. Перед лицом растущей волны, если не ксенофобии, то, во всяком случае, крайней подозрительности ко всему иностранному, не могло не удивлять, что нам предоставили возможность работать, поскольку с 1936 года все яснее становилось намерение властей полностью ликвидировать все иностранное внутри страны».

Вплоть до начала Второй мировой войны МККК не удалось убедить советскую сторону в необходимости присоединиться к Гаагской конвенции 1907 года и к Женевской конвенции 1929 года о военнопленных. С ого-

ворками присоединился СССР в 1931 году и к Женевской конвенции о раненых и больных воинах. Отказ Кремля признать Женевскую конвенцию о военнопленных самым пагубным образом сказался на положении советских солдат и офицеров, оказавшихся в руках неприятеля. Равным образом эта ситуация ухудшила положение иностранных военнопленных в России.

Так, все запросы МККК о судьбе поляков, оказавшихся в руках Красной Армии в результате «освободительного похода» в Польшу в сентябре 1939 года, оставались без ответа. Предложение об оказании помощи в розыске «пропавших офицеров» из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей, последовавшее год спустя, также было проигнорировано. И не удивительно. Более 20 тысяч польских офицеров к тому времени уже было тайно расстреляно органами НКВД.

Инициатива Международного Комитета по направлению в Москву своего делегата была отвергнута сразу и в категорической форме. 12 сентября 1939 года посол СССР во Франции Я. З. Суриц заявил: «Союз Советских Социалистических Республик не подписал Конвенцию 1929 года о военнопленных, а значит, ее условия для него не обязательны. Поэтому нет оснований считать, что нужно направить в Советский Союз специального представителя Международного Комитета Красного Креста для урегулирования вопросов, вытекающих из вышеупомянутой конвенции».

На пятый день Советско-финляндской войны, 4 декабря 1939 года, председатель МККК Макс Губер сообщил правительству СССР о том, что его организация готова оказывать посредничество в передаче справок о военнопленных и раненых. Более того, МККК удалось добиться согласия Финляндии на открытие справочного бюро по делам военнопленных, а одному из делегатов разрешили посетить лагерь для красноармейцев, оказавшихся в финском плену. Ответа из Москвы не последовало. 7 декабря 1939 года советскому послу во Франции Я. З. Сурицу было сделано предложение о направлении делегатов МККК на территорию того и другого воюющих государств. Однако данное предложение, по словам советского дипломата, не отвечало интересам правительства СССР.

О целесообразности вновь открыть в Москве представительство МККК вела речь с послом СССР в Швеции А. М. Коллонтай делегат Международного Комитета адвокат Квинше. Это же предложение содержалось в официальном письме МККК от 20 апреля 1941 года. Ответной реакции со стороны Москвы ни в Стокгольме, ни в Женеве не дождались.

31 января 1940 года в Международный Комитет поступил протест Красного Креста Финляндии по поводу воздушной бомбардировки госпиталей, больниц, жилых кварталов. МККК, руководствуясь принципами нейтральности и беспристрастности, без каких-либо комментариев пере-

адресовал этот протест в Москву. Послание оказалось в руках руководителя НКВД Л. П. Берии, который переправил копию документа председателю СНК СССР В. М. Молотову, тот, в свою очередь, – в наркомат иностранных дел, чем все и завершилось.

По пути наметившегося сотрудничества. Уже 23 июня 1941 года, на следующий день после нападения Германии на Советский Союз, Макс Губер известил наркома иностранных дел Молотова о готовности Международного Комитета осуществлять посредничество в обмене списками военнопленных. Памятуя о неудачном опыте сотрудничества в недалеком прошлом, в Женеве почти не рассчитывали на благоприятную реакцию Москвы. Однако 27 июня Молотов телеграфировал о согласии СССР обмениваться списками на условиях взаимности.

Положительная реакция советского руководства на очередные инициативы МККК имела под собой достаточно простое объяснение. Оказавшись в момент фашистской агрессии на грани почти полной дипломатической изоляции, СССР остро нуждался в союзниках, будь то эмигрантские правительства, политические партии или общественные движения. И было бы непростительной ошибкой проигнорировать авторитетную организацию, располагавшую к тому же опытными юристами-экспертами и отработанным механизмом контроля за соблюдением законов и обычаев войны.

Серьезность намерений продолжить диалог с Женевой Москва продемонстрировала тем, что уже через несколько дней при исполнителе Красного Креста было организовано Центральное справочное бюро о военнопленных.

Переговоры в Анкаре. В июле 1941 года правительство СССР было готово любыми средствами сдержать наступательную мощь германской военной машины. В данном отношении Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года внушала советской стороне некоторую надежду, поскольку ограничивала возможность противника в атакующих действиях с воздуха и использовании дальнобойных орудий. На запрос государства – протектора Швеции из Москвы последовал ответ, что в войне с фашистской Германией СССР готов придерживаться упомянутой конвенции, разумеется, на условиях взаимности.

К сожалению, права военнопленных Гаагское соглашение регламентировало не столь подробно и четко, как Женевская конвенция 1929 года. Не случайно свою первую встречу в Анкаре с советским послом С. А. Виноградовым, проходившую 23 июля 1941 года, уполномоченный МККК доктор Марсель Жюно начал с обсуждения именно этой проблемы. В хо-

де беседы он предпринял попытку опередить события: зная о том, что его коллеги Карл Буркхардт и Эдуард де Аллер намереваются посетить один из русских лагерей военнопленных в Германии, уполномоченный МККК заявил: «...Важно получить список хотя бы на несколько сотен человек, чтобы начать это дело. Немцы уже начали предоставлять подобные сведения в Международный Комитет в Женеву».

По пути наметившейся конфронтации. В конце августа 1941 года атмосфера переговоров в Анкаре резко ухудшилась. Немецкого посла в Турции Франца фон Папена интересовало, правда ли, что Сталин объявил о намерении подвергнуть репрессиям семью пленных красноармейцев. Ведь в этом случае ни о каком обмене списками не может быть и речи. Как и следовало ожидать, реакция Виноградова на запрос Жюно была негативной. Последний, вопреки фактам (печально известный приказ Ставки Верховного Главнокомандующего № 270 от 16 августа 1941 года предусматривал карательные санкции в отношении семей плененных), заявил, что ни Сталин, ни правительство СССР никогда не допустят ущемления прав родных и близких красноармейцев, оказавшихся в руках противника.

20 августа 1941 года представитель Международного Комитета сообщил Папену о том, какой ответ он получил в советском посольстве. После длительной дискуссии был передан список пленных красноармейцев, насчитывающий 297 имен и фамилий. Вручая его своему собеседнику, германский посол подчеркнул, что связывает с этой процедурой последнюю надежду получить от русских сведения о пропавших немецких летчиках.

3 октября 1941 года председатель советского Красного Креста С. А. Колесников подготовил на имя Марселя Жюно телеграмму, которая должна была подтвердить отсылку в распоряжение МККК списка на 300 немецких военнопленных, содержавшихся под Карагандой в лагере № 99. Одновременно он требовал от Международного Комитета дополнительных сведений о советских военнопленных, так как в германском списке отсутствовали данные об их воинском звании, мартикулярном номере, состоянии здоровья и т. д. Однако текст этой телеграммы, отправленный на согласование в наркоматы иностранных и внутренних дел, не был санкционирован этими инстанциями.

Привал новых инициатив МККК. 21 октября 1941 года МККК телеграфировал советскому Красному Кресту о своем намерении оказать помощь русским и немецким военнопленным. Дело в том, что в эти дни в тылу группы армий «Центр» рассматривался вопрос об освобождении из плена инвалидов-красноармейцев, питание и уход за которыми немецкое командование считало для себя непозволительным бременем. Эта

инициатива имела непосредственное отношение к событиям в Анкаре. Там в это время уполномоченный МККК вел переговоры с той и другой стороной об обмене тяжелоранеными и больными военнопленными. Однако уже в октябре Марсель Жюно поделился с премьер-министром Турции Рефиком Сайдамом о том, что переговоры по обмену успеха не имели. А 14 ноября 1941 года штаб Главного командования вооруженных сил Германии оповестил генералов группы армий «Центр»: «В настоящее время прибытие тяжелораненых немецких военнопленных на родину невозможно. Советские военнопленные, отнесенные к категории инвалидов, остаются поэтому в германском плену».

Проблема обмена списками. В конце ноября 1941 года М. Жюно выехал из Анкары в Берлин на переговоры с генералом Рейнеке. 19 декабря М. Губер получил известие о том, что верховное командование вермахта готово передать МККК список на 500 тысяч советских военнопленных. Однако вскоре против положительного решения этого вопроса выступил Гитлер, пустивший в ход два довода. Во-первых, договоренность обмениваться списками может породить иллюзию у немецких солдат по поводу того, что русские прекратят произвол по отношению к пленным. Кроме того, сравнивая полученные сведения со своими данными, в Москве убеждаются, что не все попавшие в плен красноармейцы живы. Упорное молчание СССР в ответ на запросы о судьбе военнослужащих вермахта в последующие полтора месяца укрепило позиции фюрера. 9 февраля 1942 года нацистское руководство вынесло окончательное решение: Германия больше не будет отсылать в Женеву никаких списков и одновременно прекращает доступ делегатов Красного Креста в те лагеря, где содержатся русские.

Справедливости ради следует сказать, что Молотов опередил Гитлера. Еще 13 января 1942 года на докладной записке своего заместителя А. Я. Вышинского, посвященной вопросу обмена сведениями, нарком написал: «Не нужно посыпать списков (немцы нарушают всякие правовые и другие нормы)».

11 марта 1943 года министр иностранных дел И. Риббентроп потребовал от сотрудников германского посольства в Стокгольме провести с правительством нейтральной державы переговоры по поводу того, чтобы президент шведского Красного Креста принц Карл оставил намерение обращаться к Москве по вопросу обмена списками. При этом он предложил своим подчиненным пустить в ход следующие доводы: СССР наверняка предоставит фальшивые списки, что приведет к ненужным страданиям родных и близких; если же Германия ответит взаимностью, то НКВД, получив соответствующую информацию, тут же подвергнет репрессиям семьи советских военнопленных.

Право на переписку. Пропагандистский подход к решению данного вопроса. В сентябре 1942 года руководство УПВИ НКВД подняло вопрос о переписке военнопленных. Инициатива данного ведомства имела, однако, односторонний характер. На переписку с близкими могли рассчитывать только иностранные военнопленные. О предоставлении такого же права пленным красноармейцам наркомат внутренних дел никаких предложений в правительство не вносил. В сентябре-ноябре 1942 года несколько тысяч военнопленных получили возможность написать на родину. Но при этом почтовые открытки были подвергнуты тщательной цензуре и отбору. УПВИ НКВД ставило перед собой задачу организовать работу так, чтобы «в письмах личного характера в достаточно завуалированной форме» пропагандировать хорошие условия жизни в СССР.

К концу 1943 года МККК переправил в Германию 6000 почтовых открыток. Возможно, ни одна из них так бы и не попала в руки адресатов, но помогло удачное стеченье обстоятельств. Передача службы цензуры от вермахта к полиции на время повлекла сбой в работе хорошо отлаженного механизма. Поскольку половину писем не удалось задержать, руководство вермахта оказалось в затруднительном положении. Правда о том, что немецкие солдаты, попавшие в плен на Восточном фронте, вовсе не расстреляны и не сгинули в Сибири, быстро распространилась по всей стране. В этой связи вопрос о том, как быть с неврученней и вновь поступающей корреспонденцией, был поставлен перед Гитлером. Командующий сухопутными войсками В. Кейтель, и министр пропаганды Й. Гебельс трижды заводили разговор на эту тему, но фюрер был непреклонен. Почта из СССР не должна попасть в руки немецкого обывателя.

От политики игнорирования к критике МККК. 25 июня 1942 года М. Губер направил на имя Молотова специальный «Меморандум», в котором перечислялись все инициативы МККК по оказанию помощи жертвам войны и выражалась надежда на сотрудничество с Советским Союзом. Никакого ответа на это предложение не последовало.

Недоверие СССР к МККК усилилось в связи с Катынским делом. Москва, как известно, категорически отрицала свое участие в расстрелах пленных польских офицеров и пыталась переложить ответственность за эту акцию на германскую сторону. В апреле 1943 года немцы попытались привлечь к расследованию кровавой расправы Международный Комитет. Реакция руководства СССР и лично И. В. Сталина на этот шаг была резко отрицательной, что доказывает его переписка с руководителями США и Великобритании. Более того, у советского вождя закрались подозрения относительно прогерманской позиции МККК. В этой связи новому уполномоченному

номоченному Международного Комитета Вальдемару Верлену в Анкаре даже пришлось оправдываться перед советской стороной. 6 мая 1943 года он заявил советскому послу С. А. Виноградову, что его организация направила бы своих экспертов в Катынь лишь в том случае, если бы эта просьба исходила от всех заинтересованных сторон. И МККК никогда бы не стал участвовать в расследовании данного преступления до тех пор, «пока Советское Правительство также не выразило бы такого желания».

Настойчивые попытки МККК наладить деловые отношения с Москвой вынудили председателя исполкома Красного Креста СССР Колесникова обратиться непосредственно к Молотову. В письме, направленном в адрес наркома 5 мая 1943 года, он откровенно признал, что возглавляемая им организация не выполняет возложенных на нее задач по облегчению участия военнопленных. «Согласно указаниям Наркоминдела, — писал Колесников, — мы мы ни на один запрос, как единичный, так и групповой, ни Международному Красному Кресту в Женеве, ни его филиалу в Анкаре не отвечали». Автор этого письма, как показывает его анализ, рассчитывал внушить Молотову следующую главную мысль: «Контакты с МККК поднимут авторитет советского Красного Креста за рубежом, а враждебной антисоветской пропаганде, обвиняющей Москву в черством отношении к военнопленным будет дан достойный отпор». Увы, это разумное предложение председателя Красного Креста СССР не встретило понимания в стенах Кремля.

Контакты между СССР и МККК после окончания войны. После капитуляции фашистской Германии в поле зрения МККК, прежде всего, попали солдаты и офицеры, оказавшиеся в руках СССР, США и Великобритании. Позиция Советского Союза в отношении военнопленных была прецельно жесткой: по планам советского руководства, им предстояло в течение не менее 10 лет возмещать нанесенный стране материальный ущерб. С юридической точки зрения предъявить к СССР любого рода претензии было достаточно сложно. В статье 75-й Женевской конвенции 1929 года говорится, что возвращение военнопленных на родину «должно производиться в кратчайший после заключения мира срок». Однако после ареста членов кабинета правительства Деница и констатации того факта, что в Германии не существует никакого правительства вообще, заключать мир было попросту не с кем. В Меморандуме МККК от 21 августа 1945 года, адресованном СССР, США, Великобритании и Франции, Макс Губер призывал великие державы с пониманием отнестись к сложившейся ситуации. Вряд ли приемлем формальный подход к документам международного права, когда речь идет о судьбе людей. В любом случае «срок нахождения в плену не должен оставаться неопределенным».

В Вашингтоне, как свидетельствуют архивные документы, реакция на Меморандум МККК была положительной. 17 ноября 1945 года американский посол А. Гарриман от имени своего правительства предложил правительству СССР одобрить инициативу МККК, по поводу созыва в Женеве неофициального совещания по пересмотру конвенции о защите жертв войны. К сожалению, в наркомате иностранных дел усмотрели в инициативе Международного Комитета только намерение поскорее возвратить военнопленных на родину. Отрицательный ответ заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский мотивировал следующим образом: «...На мировое общественное мнение произвело бы неблагоприятное впечатление, если бы правительства главных участников войны стран уже в первые месяцы мира занялись подготовкой соглашения о военнопленных».

18 августа 1948 года, за день до открытия 17-й Международной конференции Красного Креста в Стокгольме, руководитель советской делегации Б. М. Пашков получил из Москвы телеграмму председателя исполнкома Красного Креста СССР В. А. Холодкова следующего содержания: «Отношение советского Красного Креста к 17-й конференции остается прежним. Руководствуйтесь директивой, полученной в Москве». О том, что подразумевала под собой эта директива, красноречиво свидетельствует отчет уже упомянутого Б. М. Пашкова. Последний вручил организаторам форума в Стокгольме официальный отказ от участия в конференции. При этом советская сторона потребовала сохранить за ней право занять места в зале в качестве гостей и получать все документы, предназначенные для участников конференции.

После того, как австралийский дипломат предложил принять резолюцию, одобряющую деятельность МККК во время Второй мировой войны, делегация СССР немедленно представила свои возражения. Вслед за этим советская сторона потребовала рассмотреть вопрос о создании единого центра Красного Креста и о принятии «Единой конвенции о защите жертв войны». Однако эти демарши Москвы не были поддержаны большинством участников форума.

В 1949 году СССР принял участие в дипломатической конференции в Женеве. Накануне и в ходе конференции исполнком Красного Креста высказал следующие соображения: в новой конвенции необходимо сохранить статью, предусматривающую уголовную ответственность солдат и офицеров, нарушивших законы и обычай войны; в конвенцию должно войти положение о том, что любая агитация за невозвращение на родину недопустима; ни один из военнопленных не может отказываться от прав, предоставленных ему данным соглашением. Политический характер таких

оговорок не вызывает никакого сомнения. Советское руководство в те дни было крайне озабочено, во-первых, необходимостью проведения суда над 50 000 военнопленными; во-вторых, возвращением на родину своих сограждан, которые, как оно подозревало, могут быть использованы западными спецслужбами для шпионажа и антисоветской пропаганды.

В конце сороковых годов приоритетным направлением внешней политики СССР был объявлен курс на развертывание движения сторонников мира. Весной и летом 1950 года шла усиленная подготовка к созыву Всемирного конгресса сторонников мира, проводились акции протеста против связанных империалистами войны в Корее, митинги за запрещение атомного оружия. При этом ставилась задача заручиться поддержкой как можно большего числа зарубежных партий и общественных организаций. Именно в эти дни Международный Комитет Красного Креста обратился к правительствам 62 стран с призывом сделать все возможное для того, чтобы наложить запрет на производство ядерного оружия. Даный факт не прошел мимо внимания СССР. 20 октября 1950 года новый председатель исполкома Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца В. А. Холодков направил председателю МККК П. Рюгеру официальное приглашение посетить Советский Союз. Международный Комитет Красного Креста ответил согласием, предложив одновременно не просто возобновить прерванные контакты, но и открыть свое представительство в Москве.

Президент МККК с супругой и пять его сотрудников прибыли в столицу 10 ноября 1950 года. На следующий день в резиденции исполкома Красного Креста был согласован круг подлежащих обсуждению вопросов. К наиболее важным были отнесены следующие: установление официальных контактов между СССР и МККК; региональные конфликты на карте мира и пути их устранения; Женевские конвенции 1949 года и их ратификация; гуманитарная деятельность Красного Креста по розыску пропавших без вести в войнах и вооруженных столкновениях.

Оценивая визит делегации МККК в Советский Союз, посланник Швейцарии в СССР Камиль Горже писал: «...Господин Рюгер вернулся не с пустыми руками. Отнюдь нет. Уже одно восстановление сердечных отношений между Женевой и Москвой на уровне организации Красного Креста было бы, несомненно, прекрасным результатом». Первое время этот оптимистический прогноз оправдывался. 22 августа 1951 года Президиум Красного Креста принял решение об установлении официального сотрудничества с МККК, что предполагало открытие представительства этой организации в Москве, уплату членских взносов и целый ряд иных взаимных обязательств. Однако обострение военного, политического и

идеологического противостояния между СССР и США поставило крест на этих планах.

Во время Корейской войны МККК неоднократно высыпал своих делегатов на театр военных действий, чтобы осуществлять контроль за соблюдением законов и обычаев войны. На 23 ноября 1951 года в Женеве было получено 19 сообщений о нарушении воюющими сторонами Женевских конвенций. Последним из таких сообщений был инициированный советской стороной «Доклад комиссии Международной демократической федерации женщин». В упомянутом докладе американские и южнокорейские войска обвинялись в целом ряде преступлений против человечности и игнорировании норм международного права. В этой связи МККК вынужден был выступить с меморандумом, в котором подчеркивалась беспристрастная позиция Международного Комитета и разъяснялась его роль при расследовании случаев нарушения той и другой противоборствующей державой законов и обычаев войны.

В апреле 1952 г. на заседании Комиссии ООН по разоружению представитель СССР Я. А. Малик отрицательно охарактеризовал деятельность Международного Комитета Красного Креста по урегулированию войны в Корее и обвинил эту организацию в пособничестве американскому империализму. С еще более громкими обвинениями в адрес МККК выступила советская пресса. Газета «Правда» в те дни писала, что представители Женевы во время своих инспекционных поездок по лагерям военнопленных сознательно игнорировали ужасающие условия, в которых содержатся военнопленные и гражданские лица, «попавшие в лапы американских властей в Южной Корее». Такую позицию, по мнению автора статьи, случайной не назовешь: во-первых, львиную долю всех добровольных пожертвований МККК получает от США, а во-вторых, уполномоченные этой организации имеют «богатый опыт сокрытия военных преступлений еще со времен Второй мировой войны: незамеченными остались чудовищные преступления гитлеровцев в лагерях смерти Майданека, Освенцима, Бухенвальда».

В 1952 году конфронтация между МККК и СССР достигла своей наивысшей точки. Потребовалось сорок лет, прежде чем в новых исторических условиях сотрудничество Международного Комитета с Россией – преемницей бывшего Советского Союза – снова было возобновлено. Это произошло в 1992 году.

Основатель Международного Комитета Красного Креста

Анри Дюнан (1828–1910)

Rotkreuzgründer Henry Dunant (1828–1910)

Музей основателя Международного Комитета Красного Креста А. Дюнана в г. Хайдене
Henry-Dunant-Museum in Heiden

Выступление профессора В.Б. Конасова с докладом «МККК – СССР: дорогой сотрудничества и конфронтации» в Музее основателя МККК А. Дюнана в г. Хайдене 25 июня 2004 года
Vortrag von Prof. Dr. Viktor Konasov am 25. Juni 2004 im Henry-Dunant-Museum in Heiden

Viktor Konasov, Hans Amann

**DAS IKRK – RUSSLAND:
WECHSELVOLLE BEZIEHUNGEN**

**Vologda – Heiden
2005**

Institut für Weiterbildung der Lehrkräfte Vologda
Hochschule für Recht und Wirtschaft Vologda
Henry-Dunant-Museum Heiden
Gesellschaft Memorial Vologda

Viktor Konasov, Hans Amann

DAS IKRK – RUSSLAND:
WECHSELVOLLE BEZIEHUNGEN

Vologda – Heiden
2005

Redaktion: V. Konasov, H. Amann, A. Sytschow

Vorwort: V. Sudakov, H. Bergundthal, A. Prinzing

Übersetzung A. Sytschow

Gestaltung und Druck: Verlag des Instituts für Weiterbildung der
Lehrkräfte Vologda

Alle Rechte vorbehalten.

INHALT

Vorwort	4
<i>Hans Amann.</i> Russland dankte Henry Dunant auf vielseitige Art	6
<i>Viktor Konasov.</i> Das IKRK und Russland. Ein Weg der Konfrontation und der Zusammenarbeit	8

VORWORT

Die Geschichte des II. Weltkrieges birgt immer noch viele Geheimnisse und unbekannte Fakten. Das Kriegsgefangenenproblem ist auch eine lange Zeit in der ehemaligen Sowjetunion und in den Ländern des Ostblocks gemieden worden. Viele Memoiren ehemaliger Kriegsgefangener waren von einer durch den Kalten Krieg bedingten Parteilichkeit mitgeprägt. In dieser Hinsicht verdient die landeskundliche und wissenschaftliche Arbeit der Pädagogen Lubov Bobyleva und Inna Grjaseva, sowie der Schüler aus der Schule Rostilovo im Kreis Grjasovet der russischen Region Vologda hingegen unsere Hochachtung. Im Laufe von 5 Jahren haben sie umfangreiche Informationen über das Kriegsgefangenenlager 7/150 an der Nurma gesammelt. Die Geschichte dieses Lagers ist in jeder Hinsicht interessant. 1939–1941 wurden in diesem ehemaligen Kornili-Komelski-Kloster finnische und polnische Kriegsgefangene untergebracht. Ende 1941 wurde es zu einem Filtrationslager. Man brachte die aus dem deutschen Gewahrsam befreiten und aus den Kesseln gekommenen Soldaten und Offiziere der Roten Armee hierher. Ab 1943 wurden hier Angehörige der Wehrmacht gefangen gehalten. In einer Arbeit „Geschichte des Lagers in den Berichten der Zeitzeugen“ versuchten die Schüler unter der Leitung von L. Bobyleva über unbekannte Seiten der Geschichte dieses Lagers zu erzählen. Es war ein grosser Erfolg. Unter 4000 Referaten zum Thema „Menschenrechte“ wurde diese Arbeit bei dem von der russischen Gesellschaft Memorial veranstalteten Wettbewerb mit einer Ehrenurkunde ausgezeichnet. 2003 wurde ein anderes Projekt der Schüler aus Rostilovo „Die Schicksale der represierten Russlanddeutschen im Kreis Grjasovet“ von der Gesellschaft Memorial sehr hoch bewertet.

Die Geschichte des Kriegsgefangenenlagers Grjasovet wurde auch von einem bekannten russischen Wissenschaftler Professor Doktor Viktor Konasov und seinem Kollegen Doktor Alexandre Kusminych erforscht.

Kein Wunder, dass die engagierte Lehrerin L. Bobyleva und ihre Schüler, sowie Professor V. Konasov zu einem Gedankenaustausch in die Schweiz eingeladen wurden. Es ist sehr erfreulich, dass das Interesse sowohl russischer, als auch schweizerischer Schüler für die Ereignisse des II. Weltkrieges so gross ist. Professor V. Konasov hatte einen Vortrag «Das

IKRK und die SU. Ein Weg der Konfrontation und der Zusammenarbeit» für die Freunde und Gäste des Museums des Rotkreuzgründers Henry Dunant in Heiden am 25. Juni 2004 gehalten. Dieses Buch auf Deutsch und Russisch mit dem Titel «Das IKRK - Russland: wechselvolle Beziehungen» bietet seinen Lesern weitergehende Informationen an.

Nicht nur russische und schweizerische Schüler und Studenten, sondern auch Jugendliche anderer Länder wissen sehr wenig über die humanitäre Mission des IKRK. Die Geschichte der Kriege und der bewaffneten Konflikte ist jedoch ab 1863 in grossem Masse von dem IKRK mitbestimmt worden. Darüber hat auch ein ehemaliger Insasse einiger Kriegsgefangenenlager Harald Föhr aus Zürich am Treffen im Henry-Dunant-Museum in Heiden gesprochen.

Aus der Erfahrung der älteren Generationen müssen wir Konsequenzen ziehen. Wir müssen unserer historischen Verantwortung bewusst bleiben und gemeinsam Anstösse für eine bessere Zukunft entwickeln. Dieses Buch soll auch seinen aktuellen Beitrag zur Aufklärung und Versöhnung leisten.

Vorsitzender des Ausschusses
für Menschenrechte beim Gouverneur
der Region Vologda

Valeri Sudakov

Direktor des Henry-Dunant-Museums

Hermann Bergundthal

Leiter der Realschule Engelwies-Bruggen

Andy Prinzing

Hans Amann

RUSSLAND DANKTE HENRY DUNANT AUF VIELSEITIGE ART

Henry Dunant war zwar ein weitgereister Mann, aber seine verschlungenen Wege führten ihn nie ins Reich des russischen Bären. Einladungen von höchster Stelle das Land zu besuchen, konnte er aus gesundheitlichen Gründen nicht annehmen. Dennoch bestanden wichtige Kontakte zu massgeblichen Persönlichkeiten aus dem Zarenreich, welche seine Ideen mittrugen und ihm ihren Dank aussprachen.

Das 1897 in Stuttgart erschienene Werk «Die Entstehungsgeschichte des Roten Kreuzes und der Genfer Konvention», welches Professor Müller in Stuttgart zusammen mit Dunant geschrieben hatte, liess der Gründer des Roten Kreuzes an viele einflussreiche Persönlichkeiten, unter anderem auch in Russland verteilen. Einige Exemplare gingen an den Zarenhof und an verschiedene russische Wissenschaftler.

Anlässlich des XII. Internationalen Ärztekongresses von 1897 in Moskau, kam man auch auf das Buch zu sprechen. Auf Antrag des berühmten deutschen Pathologen Rudolf Virchow, beschlossen die Teilnehmer den grossen Preis der Stadt Moskau in der Höhe von Fr. 5000.-, Dunant zukommen zu lassen. Virchow hatte sich daran erinnert, dass er kurz vor der Gründung des Roten Kreuzes 1863 in Berlin mit Dunant zusammengetroffen war, wo sich dieser am Statistischen Kongress für die Neutralisation der Lazarette und des Pflegepersonals eingesetzt hatte.

Im Januar 1897 liess die kaiserlich russische Gesandtschaft in Bern Dunant wissen, dass «die erhabene Beschützerin des Russischen Roten Kreuzes, Ihre Majestät, die Kaiserin Maria Feodorowna, anzuordnen geruhte», dass ihm als sofortige Zuwendung des Zarenhofes 4000 Franken überwiesen würden und er zudem eine lebenslange Rente von jährlich 4000 Franken zugesichert erhalten. Auch in diesem Falle dürfte die der Kaiserin zugestellte «Entstehungsgeschichte», ihren grosszügigen Entschluss beeinflusst haben.

Immer wieder zeigten Russen Dunant ihre Ergebenheit und Bewunderung durch Geschenke. Im April 1897 erhielt er von der medizinischen Gesellschaft in Odessa eine prächtige Adresse zusammen mit einem Diplom und einem grossen, vom Wappen der Stadt gekrönten Kreuz. Gleichzeitig wurde er zum Ehrenmitglied der Gesellschaft ernannt.

Zum 80. Geburtstag Dunants, am 8. Mai 1908 trafen neben vielen anderen Glückwunschschreiben auch aus Russland drei Telegramme in Heiden ein. Die Kaiserin Mutter dankte ihm für seine «unermüdlichen Bestrebungen, die für das Wohl der Menschheit so fruchtbringend geworden sind.» Im Auftrage des Zaren schickte Staatsrat A. Isvolsky dem Schöpfer der Genfer Konvention seinen Huldigungsgruss. Die Führung des Russischen Roten Kreuzes liess Henry Dunant ihre besten Wünsche übermitteln. Eine russische Grossfürstin liess dem Jubilaren einen feinen Seidenschal zugehen. Er ist heute im Henry-Dunant-Museum in Heiden ausgestellt.

Dunant gehört im heutigen Russland wahrscheinlich zu den weltweit bekannten Persönlichkeiten. Nicht umsonst hatten vor rund zehn Jahren zwei Direktoren der «International Foundation for the Survival and Development of Humanity» und ein Vertreter der Unesco mit dem Henry-Dunant-Museum Kontakt aufgenommen in der Absicht, in Russland eine Wanderausstellung über Dunant und andere bedeutende Persönlichkeiten zu planen. Man ist sich nach den grossen Kriegen der Vergangenheit bewusst, welch grosses humanitäres Werk von Dunant ausging, das die Grauen der Auseinandersetzungen linderte und auch dem eigenen Volke zugute kam.

So erstaunte es nicht, als das russische Rote Kreuz an das Internationale Komitee vom Roten Kreuz in Genf die Anfrage richtete, den Video-Film, der 1998 für das Henry-Dunant-Museum in Heiden geschaffen wurde, auch in Moskau vorführen zu dürfen. Nach dem Vortrag von Professor Dr. V. Konasov im Henry-Dunant-Museum im Juni 2004 entwickelte sich eine höchst erfreuliche Zusammenarbeit zwischen Vologda und Heiden, die dazu führte, dass der Film über das Leben Dunants, der täglich mehrmals im Museum den Besuchern gezeigt wird, in die russische Sprache übersetzt wird. Uns freut diese Möglichkeit ausserordentlich, trägt sie doch dazu bei, dass die bewegte Lebensgeschichte des Gründers des Roten Kreuzes in Russland verbreitet wird.

Prof. Dr. Viktor Konasov

**DAS IKRK UND RUSSLAND.
EIN WEG DER KONFRONTATION UND DER ZUSAMMENARBEIT**

In den 60er Jahren des 19. Jahrhunderts fanden zwei bemerkenswerte Ereignisse statt, die eine neue Etappe in der Geschichte der Bewegung für die Rechte der Opfer und Teilnehmer der bewaffneten Konflikte markierten. Diese beiden Ereignisse sind mit dem Namen des Schweizer Bürgers Henry Dunant verbunden. Der Autor des Buches «Eine Erinnerung an Solferino», das die Leser zum Gedenken der 40 000 Gefallenen und Verwundeten im Krieg zwischen Österreich und Frankreich bewegt, hat die Gründung einer internationalen Organisation angeregt, die sich der Opfer der Kriege annehmen sollte. In der Sitzung des Komitees der «Gemeinnützigen Gesellschaft» am 17. Februar 1863 formulierte Henry Dunant seine wichtigsten Ideen und setzte sich für die Rechte der im Krieg Verwundeten und Kranken ein. Dieser Tag gilt als Tag der Gründung der Organisation, die ab 1867 Internationales Komitee vom Roten Kreuz heisst.

Die Rotkreuzgründer mit Henry Dunant und dem ersten Vorsitzenden des IKRK Gustave Moynier an der Spitze eröffneten am 26. Oktober 1863 die erste internationale Konferenz, an der die Vertreter von 16 Ländern teilnahmen. Nach diesem Forum begann eine schnelle Entwicklung nationaler Rotkreuzgesellschaften. H. Dunant leistete auch eine grosse Vorbereitungsarbeit für die Einberufung einer internationalen Konferenz, die neue Regeln und Prinzipien der Kriegsführung einführen sollte. Im August 1864 nahmen die Vertreter von 12 Ländern ein «Abkommen zur Verbesserung des Loses der Verwundeten auf dem Feld» an der Konferenz in Genf an. Bereits nach vier Monaten wurde dieses Abkommen durch 10 Staaten ratifiziert. 1867 unterzeichnete der russische Zar Alexander II. eine Satzung der «Gesellschaft zur Pflege der im Krieg Verwundeten und Kranken», welche auf Anregung des Hoffräuleins der Zarin M. Sabinina, des Leibarztes F. Karel und der Baronesse Frederix gegründet worden war. Auf diese Weise trat Russland als eines an der Konferenz in Genf vertretener Länder auch dieser Konvention bei.

Es sind andere wichtige Beiträge Russlands zur Humanisierung der Regeln der Kriegsführung zu erwähnen. 1862 sprach sich der bekannte russische Arzt und Forscher N.I. Pirogov für die Gründung eines internationalen

Komitees der Ärzte aus. Kurz davor schätzte Henry Dunant einen mutigen Einsatz der Krankenschwestern der Kreuzerhöhungsgemeinde bei der Rettung der Verwundeten im Kriege auf der Krim 1853-1855 sehr hoch ein. Der Grossfürstin Jelena Pavlovna, der Gründerin dieser Gemeinde, schenkte Henry Dunant sein Buch in Anerkennung ihrer Taten und Verdienste.

In der Zeit 1863 - 1917 lagen keine Missverständnisse in den Beziehungen zwischen Russland und dem IKRK vor. Die russische Regierung unterstützte sehr aktiv humane Initiativen des IKRK auf den verschiedenen internationalen Konferenzen. Bevor die Bolschewiki in der Oktoberrevolution die Macht ergriffen, waren das «Genfer Abkommen zur Verbesserung des Loses der Verwundeten und Kranken der Streitkräfte im Felde» von 1906 und das Haager Abkommen vom 18. Oktober 1907 betreffend die Gesetze und Gebräuche des Landkriegs mit einem Teil «Über die Behandlung der Kriegsgefangenen» von 1907 durch Russland ratifiziert worden.

Die sowjetische Regierung von W. Lenin zeigte sich dem IKRK gegenüber ziemlich loyal. In der diplomatischen Isolation versuchte sie mit Hilfe des IKRK ein strategisches Problem zu lösen und zwar über 3 Mio. russischen Gefangenen des I. Weltkrieges zur Repatriierung zu verhelfen. Die Absicht der Bolschewiki war es, die Heimkehrer zum Instrument im Kampf gegen die Konterrevolution und den internationalen Imperialismus zu machen.

1921 wurde das Sowjetische Rote Kreuz vom IKRK offiziell anerkannt. Die Vertretung des IKRK in Moskau wurde aber schon 1938 geschlossen. Der Leiter der Vertretung Voldemar Wehrlin kommentierte ihre Schliessung mit folgenden Worten: «Für jeden mit der Situation in der SU vertrauten Beobachter könnte das Bestehen einer Vertretung des IKRK in den letzten Jahren sogar paradox vorkommen, da es den wichtigsten Prinzipien der sowjetischen Politik widerspricht. Angesichts zunehmender Xenophobie oder zumindestens eines grossen Misstrauens dem Ausland gegenüber haben wir jedoch unsere Arbeit weiterführen dürfen, obwohl die Absicht der sowjetischen Regierung, alles Fremde aus dem Lande zu verdrängen, ab 1936 deutlich zu spüren war.»

Das IKRK scheiterte auch, die sowjetische Führung in den langjährigen Verhandlungen von der Notwendigkeit der Unterzeichnung des Haager Abkommens von 1907 und des «Genfer Abkommens über die Behandlung der Kriegsgefangenen» von 1929 zu überzeugen. Das Genfer Abkommen über die Verwundeten und Kranken der Streitkräfte wurde 1931 von der SU mit einer Reihe Vorbehalte ratifiziert. Der Verzicht Moskaus das «Genfer Abkommen über die Behandlung der Kriegsgefangenen» zu ratifizieren, hatte später für viele sowjetische Kriegsgefangene schicksalsschwere Folgen.

Es betraf aber auch die in die sowjetische Gefangenschaft geratenen Bürger dritter Staaten. Alle Anträge auf Erteilung einer Auskunft über polnische Bürger, welche nach einer sogenannten Befreiung in sowjetischer Hand waren, blieben ohne Antwort. Die Initiativen des Roten Kreuzes, die Suche nach den vermissten polnischen Offizieren zu beginnen, wurden überhaupt nicht beachtet. Die Betroffenen waren ja zu diesem Zeitpunkt von dem NKWD bereits erschossen. Eine andere Initiative, einen Delegierten des RK nach Moskau zu senden, wurde strikt abgelehnt. Der Botschafter der UdSSR in Frankreich J. Suritz teilte am 12.10.1939 folgendes mit: «Die UdSSR hat das «Genfer Abkommen über die Behandlung der Kriegsgefangenen» von 1929 nicht ratifiziert. Die SU ist an die Bestimmungen des Abkommens nicht gebunden. Es ist deswegen nicht ersichtlich, welche Fragen der Delegierte des IKRK regeln sollte.»

Am 4. Dezember 1939 - es war der 5. Tag des Krieges zwischen Finnland und der SU - bot Max Huber der sowjetischen Regierung die Hilfe bei der Erteilung der Auskünfte über Kriegsgefangene und Verwundete an. Außerdem gelang es dem IKRK mit der Bewilligung der finnischen Regierung ein Auskunftsbüro für Kriegsgefangene und ihre Familienangehörigen zu eröffnen und auch ein Lager für sowjetische Kriegsgefangene zu besuchen. Es erfolgte keine Antwort Moskaus auf diese Initiativen. Am 7. Dezember 1939 wurde der sowjetische Botschafter J. Suritz über die Bereitschaft des IKRK, seine Delegationen nach Finnland und in die SU zu senden, erneut unterrichtet. Der sowjetische Diplomat wies in seiner Antwort darauf hin, dass es den Interessen der Regierung der UdSSR nicht entspreche. Die Anregung des IKRK, eine Vertretung der Organisation in Moskau wieder zu eröffnen, wurde von der Delegierten des RK Quinche auf dem Treffen mit der Botschafterin der SU in Schweden Alexandra Kollontai besprochen. Das offizielle Schreiben des IKRK vom 20. April 1941 beinhaltete ebenfalls diese Initiative. Moskau unterliess es jedoch darauf zu reagieren.

Am 31. Januar 1940 lief bei dem IKRK ein Einspruch des finnischen RK wegen der Luftangriffe auf Hospitäler, Kranken- und Wohnhäuser ein. Die Führung des IKRK leitete diesen Einspruch nach den Grundsätzen der Neutralität und Unparteilichkeit kommentarlos nach Moskau weiter. Dieses Schreiben landete zunächst beim Chef des NKWD L. Berija, dann beim Vorsitzenden des Rates der Volkskommissare W. Molotow und letzten Endes im Volkskommissariat für auswärtige Angelegenheiten. Damit nahm es sein Ende.

Am 23. Juni 1941, ein Tag nach dem Angriff Deutschlands auf die SU, informierte Max Huber den Volkskommissar für auswärtige Angelegenheiten

W. Molotow über die Bereitschaft des IKRK, bei dem Austausch der Listen der Kriegsgefangenen als Vermittler zu helfen. In Anbetracht der früheren misslungenen Zusammenarbeit rechnete das IKRK kaum noch mit einer positiven Reaktion Moskaus. Am 27. Juni zeigte sich aber die SU bereit, auf diesen Vorschlag einzugehen.

Diese positive Reaktion schon auf die ersten Initiativen des IKRK lässt sich leicht erklären. Zum Beginn des Krieges war die SU in einer totalen diplomatischen Isolation und brauchte dringend Verbündete. Es hätten sowohl Exilregierungen, als auch politische Parteien und verschiedene Vereine sein können. Gewiss wäre es ein unverzeihlicher Fehler gewesen, die Vorschläge dieser renommierten Organisation nicht zu beachten. Das IKRK verfügte damals über sehr kompetente Experten und Juristen, sowie über bewährte Verfahren zur Kontrolle der Regeln der Kriegsführung.

Die Ernsthaftigkeit ihres Vorhabens bestätigte die SU nach einigen Tagen mit der Eröffnung des Zentralen Auskunftsstelle zur Benachrichtigung über Kriegsgefangene bei dem Exekutiven Komitee des RK.

Im Juli 1941 versuchte die sowjetische Regierung die Wehrmacht bei der schnellen Offensive mit allen möglichen Mitteln zu hindern. Das Haager Abkommen über die Landkriegsordnung von 1907 hatte für die SU angesichts der schweren Lage besondere Vorteile, da es die Fliegerangriffe und die Benutzung der weittragenden Geschütze einschränkte. Die Anfrage Schwedens beantwortete die SU wie folgt: unter der Voraussetzung der Gegenseitigkeit ist die SU bereit, sich an die Grundsätze dieses Abkommens zu halten.

Die Rechte der Kriegsgefangenen wurden jedoch in dem Haager Abkommen im Vergleich zu dem Genfer Abkommen von 1929 nicht so ausführlich erläutert. Das war auch der Grund, warum der Bevollmächtigte des IKRK Dr. Marcel Junod dieses Problem bereits auf dem ersten Treffen mit dem sowjetischen Botschafter S. Winogradow am 23. Juli 1941 angesprochen hatte. Marcel Junod versuchte schon auf diesem Treffen ein positives Resultat zu erzielen. Kurz vor dem geplanten Besuch eines Lagers für sowjetische Kriegsgefangene durch die Vertreter des IKRK Carl Burckhardt und Edouard de Haller, forderte Dr. Marcel Junod die SU zum ersten Schritt auf, zumindestens ein kleines Verzeichnis mit den Namen Kriegsgefangener für die Übergabe vorzubereiten und wies auf die begonnene Zusammenarbeit mit der deutschen Seite hin.

Ende August 1941 gerieten die Verhandlungen in Ankara doch in eine Sackgasse. Der deutsche Botschafter in der Türkei Franz von Papen wollte genaue Informationen über die Behandlung der Familien sowjetischer

Kriegsgefangener von seiten der Regierung der SU bekommen. Vermutete Repressalien machten den Austausch der Listen der Kriegsgefangenen aus der Sicht der deutschen Diplomaten unmöglich. Von Papen bat den Bevollmächtigten des IKRK um eine offizielle Anfrage. Der Botschafter S. Winogradow gab M. Junod eine negative Antwort, wie es auch zu erwarten war. S. Winogradow schloss jede repressive Massnahme gegen die Familienangehörigen sowjetischer Kriegsgefangener völlig aus. Die Tatsachen zeugten jedoch von dem Gegenteil. (Die berüchtigte Anordnung des Oberkommandos Nummer 270 vom 16.08.1941 sah verschiedene Strafaktionen gegen die Verwandten der Kriegsgefangenen vor.)

Am 20. August machte der Vertreter des IKRK den Botschafter von Papen mit der Antwort der sowjetischen Seite bekannt. Nach einer langen Diskussion erfolgte die Übergabe einer Liste mit den Namen von 297 sowjetischen Kriegsgefangenen. Der deutsche Botschafter bestand darauf, dass die Information über vermisste Flieger der Luftwaffe von der russischen Seite in Aussicht gestellt werden sollte.

Am 3. Oktober 1941 wollte der Vorsitzende des sowjetischen Roten Kreuzes S. Kolesnikow in einem Telegramm an M. Junod mitteilen, dass die Liste von 300 deutschen Kriegsgefangenen aus dem Lager Nummer 99 bei Karaganda in kurzer Zeit an das IKRK weitergeleitet werden soll. S. Kolesnikow wandte sich auch an das IKRK mit der Bitte, die Informationen über sowjetische Kriegsgefangene (Angaben der Dienstgrade, Erkennungsmarken, Information über den Gesundheitszustand) zu erweitern. Der von dem Volkskommissariat für auswärtige Angelegenheiten und von dem Volkskommissariat des Inneren geprüfte Text dieses Telegramms wurde aber nicht bestätigt.

Am 21. Oktober benachrichtigte das IKRK das sowjetische Rote Kreuz über seine weiteren Vorschläge zur Verbesserung der Lage sowjetischer und deutscher Kriegsgefangener, da die Führung der Heeresgruppe Mitte eine grosse Gruppe verwundeter sowjetischer Kriegsgefangener entlassen wollte. Es war eine Bürde, diese im Hinterland mit Lebensmitteln und Medikamenten zu versorgen. Es hing wohl auch mit den Verhandlungen über die Entlassung der kranken und schwer verwundeten Gefangenen zusammen, die das IKRK mit der deutschen und sowjetischen Seite zu dieser Zeit in Ankara führte. Bereits im Oktober informierte M. Junod den türkischen Ministerpräsidenten Refik Saydam, dass diese Verhandlungen leider keinen Erfolg gebracht hatten. Am 14. November 1941 teilte das Oberkommando Wehrmacht auf Anfragen einiger Organisationen mit, dass der Transport der schwer verwundeten deutschen Gefangenen nach Deutschland momentan unmöglich sei. Aus

diesem Grund sollen auch invalide sowjetische Gefangene in deutschem Gewahrsam bleiben.

Ende November 1941 reiste M. Junod zu den Verhandlungen mit General Hermann Reinecke aus Ankara nach Berlin. Am 19. Dezember wurde Max Huber benachrichtigt, dass das Oberkommando Wehrmacht bereit sei, dem IKRK ein Verzeichnis von 500 000 sowjetischen Kriegsgefangenen zu übergeben. Kurz darauf sprach sich Adolf Hitler aber dagegen aus, indem er zwei Argumente anführte. Erstens würden deutsche Soldaten nach dieser Vereinbarung Illusionen hegen, dass die Willkür den deutschen Kriegsgefangenen gegenüber damit ihr Ende nehmen würde. Zweitens würde dann auch die Tatsache an den Tag kommen, dass eine grosse Zahl der sowjetischen Gefangenen umgekommen war. Am 9. Februar 1942 wurde von der deutschen Führung endgültig beschlossen, keine Kriegsgefangenenlisten dem IKRK mehr zu übergeben und Besuche Delegierter des RK in den Lagern für sowjetische Kriegsgefangene einzustellen.

Man muss aber einsehen, dass der Volkskommissar Molotow eine ähnliche Meinung noch am 13. Januar 1942, d.h. früher als A. Hitler, intern äusserte, wobei er auf den schriftlichen Bericht Wyschinskis über eventuelle gegenseitige Übergabe der Kriegsgefangenenlisten auf die Verletzung aller Normen des Völkerrechts durch die deutsche Seite hinwies.

Am 11. März 1943 forderte der Reichsaussenminister Ribbentrop die deutsche Botschaft in Stockholm auf, die Verhandlungen mit der schwedischen Seite durchzuführen, damit der Präsident des schwedischen RK Prinz Karl die Frage der Übergabe der Kriegsgefangenenlisten an die Regierung der SU nicht mehr stellte. Die Deutsche Botschaft sollte bei diesen Verhandlungen zwei Beweisgründe anführen. Erstens würde die sowjetische Seite angeblich gefälschte Listen vorlegen, was den Familienangehörigen viel Leid verursachen würde. Zweitens würde man damit die Familien der sowjetischen Kriegsgefangenen den Repressalien durch den NKWD aussetzen.

Im September 1942 wurde die Möglichkeit des Briefverkehrs für Kriegsgefangene von dem NKWD angesprochen. Diese Initiative betraf aber nur ausländische Kriegsgefangene. Eine der sowjetischen Regierung vorgelegte Anordnung gab den sowjetischen Gefangenen kein Recht auf Briefverkehr. Vom September bis November 1942 durften einige Tausend Kriegsgefangene kurze Mitteilungen nach Hause schicken. Alle Postkarten wurden einer strengen Zensur unterworfen. Das Volkskommissariat für das Innere sollte dafür sorgen, dass diese Briefe vor allem über gute Lebensverhältnisse in der SU berichteten.

Bis zum Ende 1943 hat das IKRK 6000 Postkarten nach Deutschland weitergeleitet. Diese Postkarten konnten auch ihre Empfänger erreichen. Es war eigentlich ein Zusammentreffen von verschiedenen Umständen. Der Zensurdienst war zu dieser Zeit von der Wehrmacht an die Polizei übergeben worden, was einige Unstimmigkeiten verursachte. Ein grosser Teil der Briefe war bei den Familienangehörigen deutscher Kriegsgefangener eingetroffen. Die deutsche Führung geriet in Verwirrung. Diese Nachrichten der deutschen Kriegsgefangenen hatten sich schnell landesweit verbreitet und die Mythen der nazistischen Propaganda über angebliche Erschiessungen oder den furchtbaren Tod in Sibirien widerlegt. Man überliess es dem Führer zu entscheiden, was in diesem Fall vorgenommen werden sollte. Der Chef des Oberkommandos der Wehrmacht Wilhelm Keitel und der Reichspropagandaminister Joseph Goebbels haben dieses Thema dreimal angesprochen. Hitler blieb aber unbeugsam: die deutschen Bürger sollen keine Post aus der SU erhalten.

Moskau betrachtete diesen begrenzten Briefverkehr als ein reines Propagandamanöver und rechnete kaum mit einer guten Reaktion aus Berlin.

Am 25. Juni 1942 richtete Max Huber ein Memorandum mit der Hoffnung auf die Zusammenarbeit mit der SU an W. Molotow, das sämtliche Initiativen des IKRK zur Verbesserung der Lage der Kriegsopfer beinhaltete. Es erfolgte keine Antwort von der sowjetischen Seite.

Das Verhältnis der SU dem IKRK gegenüber verschlechterte sich auch sehr im Zusammenhang mit dem Fall Katyn. Die SU leugnete ihre Teilnahme an den Erschiessungen der gefangenen polnischen Offiziere und wälzte die Verantwortung auf die deutsche Seite ab. Im April 1943 hatte die deutsche Führung vor, eine Untersuchung dieses Falls durch das IKRK zu veranlassen. Die Reaktion der sowjetischen Seite, auch die von J. Stalin persönlich war sehr negativ. Der neu ernannte Bevollmächtigte des IKRK Voldemar Wehrlin musste sich sogar vor der sowjetischen Führung rechtfertigen. Am 6. Mai 1943 teilte er dem sowjetischen Botschafter S. Winogradow mit, dass das IKRK seine Delegierten nach Katyn gesandt hätte, falls alle Parteien es angeregt hätten. Das IKRK würde keine Untersuchung ohne Bewilligung der sowjetischen Regierung beginnen, so Voldemar Wehrlin.

Mehrere Versuche des IKRK, gute Beziehungen mit der SU herzustellen, brachten den Vorsitzenden des Exekutiven Komitees des sowjetischen Roten Kreuzes Kolesnikow zum Entschluss, sich persönlich an den Aussenminister Molotow zu wenden. In seinem Brief vom 5. Mai 1943 musste Kolesnikow einsehen, dass die von ihm geleitete Organisation ihre Ziele und Aufgaben zur Verbesserung der Lage Kriegsgefangener nicht erfüllte. «Laut

Anweisungen des Volkskommissariats für auswärtige Angelegenheiten haben wir sowohl auf die Anträge einzelner Antragsteller, als auch auf die Gruppenanträge, sowie auf die Anträge des IKRK in Genf und seiner Vertretung in Ankara keine Antwort gegeben». Der Autor dieses Schreibens wollte den Volkskommissar Molotow von der Bedeutung guter Beziehungen mit dem IKRK überzeugen, was zu gutem Image des sowjetischen RK im Ausland beitragen und der feindlichen antisowjetischen Propaganda hinsichtlich schlechter Behandlung der Kriegsgefangenen keine Nahrung geben würde.

Nach der Kapitulation Deutschlands trat das IKRK mit der SU, den USA und Großbritannien in Verhandlungen über die Entlassung der gefangenen Soldaten und Offiziere ein. Die Einstellung der SU zu diesem Problem war besonders rigoros. Nach den Plänen der Regierung der UdSSR sollten die Kriegsgefangenen beim Wiederaufbau der sowjetischen Wirtschaft im Laufe von zumindest 10 Jahren eingesetzt werden.

Es war allerdings unmöglich, einen Rechtsanspruch gegen die Sieger zu erheben. Der Artikel 75 des Genfer Abkommens von 1929 sieht eine möglichst schnelle Repatriierung der Kriegsgefangenen nach dem Friedensschluss vor. Nach der Verhaftung von Dönitz und anderer Regierungsmitglieder hatte Deutschland keine Regierung, mit welcher man diese Fragen hätte regeln können. Mit dem Memorandum des IKRK vom 21. August 1945 regte Max Huber die USA, Grossbritanien und Frankreich an, eine Lösung dieses Problem ohne Formalitäten zu finden, da es um die Menschen geht. Der Termin der Entlassung sollte jedenfalls so schnell wie möglich bekanntgegeben werden.

Die Archive deuten auf eine positive Reaktion der USA hin. Am 17. November 1945 hatte sich der Botschafter der USA A. Harriman an die Regierung der SU mit einem Vorschlag gewandt, eine Initiative des IKRK zur Einberufung einer inoffiziellen Konferenz für die Revision des Abkommens über die Kriegsopfer zu unterstützen. Die Leitung des Volkskommissariats für auswärtige Angelegenheiten sah leider in dieser Initiative des IKRK nur das Vorhaben, den Kriegsgefangenen zur Heimkehr zu verhelfen. Der stellvertretende Volkskommissar für auswärtige Angelegenheiten A. Wyschinski kommentierte diese negative Antwort mit folgenden Worten: «Es würde einen schlechten Eindruck auf die Weltöffentlichkeit machen, sollten die Sieger die Vorbereitung des Abkommens über Kriegsgefangene gleich nach dem Friedensschluss beginnen.»

Am 18. August 1948, an einem Tag vor der Eröffnung der 17. Rotkreuz-Konferenz in Stockholm, erhielt der Leiter der Delegation des sowjetischen Roten Kreuzes B. Paschkow ein Telegramm von dem Vorsitzenden des

Exekutiven Kommites des Roten Kreuzes der SU W. Cholodkow. Der Vorsitzende bestätigte das negative Verhältnis des sowjetischen Roten Kreuzes zu dieser Konferenz und veranlasste, diese Meinung auf der Konferenz offiziell zu vertreten. Aus dem schriftlichen Bericht von B. Paschkow erfahren wir über die Details dieser internen Direktive.

Nachdem ein Delegierter aus Australien eine Resolution über den positiven Beitrag des IKRK während des zweiten Weltkrieges zur Abstimmung gebracht hatte, erfolgte ein Einspruch der sowjetischen Delegation. Außerdem bestand die sowjetische Seite auf der Gründung eines vereinten Zentrums des Roten Kreuzes und auf der Verabschiedung eines einheitlichen Abkommens zum Schutz der Kriegsopfer. Diese Demarchen fanden aber keine Unterstützung bei den anderen Teilnehmern des internationalen Forums.

1949 nahm die SU an der diplomatischen Konferenz in Genf teil. Die Vertreter des sowjetischen RK machten im Laufe der Konferenz einige Vorschläge. Erstens sollte das Abkommen über die Behandlung der Kriegsgefangenen den Artikel über strafrechtliche Verantwortlichkeit der Kriegsgefangenen für die Verletzung der Regeln und Gebräuche der Kriegsführung bis auf weiteres erhalten bleiben. Zweitens sollte jede Agitation gegen die Heimkehr als rechtswidrig anerkannt werden. Drittens sollten Kriegsgefangene auf ihre von diesem Abkommen vorgesehenen Rechte nicht verzichten dürfen. Diese Vorschläge hatten sicherlich einen politischen Charakter. Erstens hatte die sowjetische Führung die Absicht, 50 000 Kriegsgefangene vor Gericht zu stellen. Zweitens wollte sie die Heimkehr der sowjetischen Bürger sicherstellen und beschleunigen, damit diese von den westlichen Nachrichtendiensten für Spionage und antisowjetische Propaganda nicht eingesetzt werden könnten.

Eine Unterstützung der Friedenbewegung wurde Ende der 40er Jahre zu einem der wichtigsten Ziele der Aussenpolitik der SU. Im Frühling und Sommer 1950 liefen grosse Vorbereitungen für den 2. Friedenskongress. Es wurden Protestaktionen gegen den von den Imperialisten entfesselten Krieg in Korea, Versammlungen und Foren gegen die Verbreitung der Kernwaffen durchgeführt. Diese Aussenpolitik sollte auch eine Unterstützung der Initiativen der SU durch verschiedene Parteien und Organisationen im Ausland erzielen. In diesen Tagen forderte das IKRK die Regierungen der 62 Staaten zu aktiven Maßnahmen gegen die Herstellung der Kernwaffen auf. Die SU beachtete auch diese Initiative des IKRK. Am 20. Oktober 1950 richtete der neue Vorsitzende des sowjetischen Roten Kreuzes W. Cholodkow eine Einladung zu einem offiziellen Besuch der SU an den Vorsitzenden des IKRK P. Rüger. Das IKRK hatte diese Einladung angenommen und vorgeschlagen,

neben der Entwicklung der Zusammenarbeit zugleich eine Vertretung des IKRK in Moskau zu eröffnen.

Eine Delegation des IKRK unter der Leitung des Präsidenten P. Rüger traf am 10. November 1950 in Moskau ein. Am nächsten Tag wurde in der Vertretung der Gesellschaft des Roten Kreuzes der UdSSR eine Reihe Fragen zur Diskussion gestellt. Unter den wichtigsten Themen standen:

- Aufnahme der offiziellen Beziehungen zwischen der UdSSR und dem IKRK,
- regionale Konflikte in der Welt und ihre Lösung,
- Genfer Abkommen von 1949 und seine Ratifizierung,
- humanitäre Tätigkeit des RK bei der Suche nach in Kriegen und bewaffneten Konflikten vermissten Personen.

Der Gesandte der Schweiz in der UdSSR Minister Camille Gorgé schätzte den Besuch der Delegation des IKRK in die SU sehr hoch ein. Er wies auf die positiven Resultate dieses Besuches, vor allem auf die Wiederaufnahme der guten Beziehungen zwischen Moskau und Genf hin. Die optimistischen Prognosen trafen auch für eine gewisse Zeit zu. Am 22. August 1951 fasste der Vorstand der Gesellschaft des Roten Kreuzes der UdSSR einen Entschluss, offizielle Beziehungen mit dem IKRK aufzunehmen. Vorgesehen waren eine Eröffnung der Vertretung des IKRK in Moskau, eine Entrichtung des Eintrittsbeitrages und andere beiderseitige Verpflichtungen. Eine Verschärfung der ideologischen und militärpolitischen Beziehungen zwischen der SU und den USA zerstörte damals diese Pläne.

Während des koreanischen Krieges sandte das IKRK seine Delegierten mehrere Male zur Kontrolle der Einhaltung der Regeln und Gebräuche der Kriegsführung. Bis zum 23. November 1951 liefen bei dem IKRK 19 Mitteilungen über die Verletzung der Genfer Abkommen durch beide Seiten ein. Die letzte von diesen Mitteilungen war ein von der sowjetischen Seite initiiert «Vortrag der Kommission des Internationalen demokratischen Frauenbundes». Dieser Vortrag überführte amerikanische und südkoreanische Streitkräfte einer ganzen Reihe der Verbrechen und der Verletzung des humanitären Völkerrechts. In dieser Situation musste das IKRK ein Memorandum veröffentlichen, in dem es seine Unparteilichkeit unterstrich und seine Rolle bei der Untersuchung beiderseitiger Verletzungen des Völkerrechtes erläuterte.

Im April 1952 kritisierte der Vertreter der UdSSR bei der Organisation der Vereinten Nationen in einer Sitzung der Abrüstungskommission sehr scharf die Tätigkeit des IKRK während des koreanischen Krieges und beschuldigte das IKRK der Mithilfe beim amerikanischen Imperialismus. Sowjetische

Zeitungen brachten mehrere entrüstete Anklageartikel gegen das IKRK. Die Zeitung «Prawda» berichtete, dass die Vertreter des RK die Verletzung der Rechte der Kriegsgefangenen und der Zivilpersonen in den amerikanischen Lagern in Südkorea bewusst nicht beachtet hatten. Der Autor dieses Artikels hat eine ganz einfache Erklärung dafür. Die Spenden aus den USA machen den grössten Anteil in dem Etat des IKRK aus. Ausserdem hätte das IKRK viel Erfahrung bei der «Verheimlichung der Kriegsverbrechen» während des II. Weltkrieges gesammelt. Unbeachtet wären auch die Greuelstaten in den Konzentrationslagern Majdanek, Auschwitz und Buchenwald geblieben.

1952 wurde der Höhepunkt der Konfrontation zwischen der SU und dem IKRK erreicht. Es vergingen 40 Jahre, bis die Beziehungen zwischen dem IKRK und Russland als einem Nachfolgestaat der UdSSR wieder aufgenommen wurden.

*Российские и швейцарские школьники на совместных занятиях
в реальной школе Энгельвиз – Бругген в г. Санкт-Галлен*
Russische und schweizerische Schüler im Unterricht. Realschule Engelwies - Bruggen. Sankt Gallen